

ВЛАДИМИР КРУКОВСКИЙ

КРОТОВАЯ НОРА

Владимир Круковский

Кротовая нора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70560034

SelfPub; 2024

Аннотация

Почему одни люди с пеленок знают, как получить максимум благ от жизни, а другие витают в облаках? Быть может одни уже не первый раз рождаются на Земле, а другие приходят из высших миров? Первые – хозяева жизни, другие – неудачники. Геннадий Петрович надеялся уже в этой жизни получить доступ к опыту последующих, и кое-что у него получилось, правда, совсем не так, как он предполагал.

Владимир Круковский

Кротовая нора

Точно! Он здесь первый раз... на этой Земле. Другие с пелёнок знают к кому подойти, как улыбнуться, что сказать. Как муравьи ползут они к своему благополучию, ведомые опытом прошлых жизней, а он здесь новичок, оттого и неудачник. Высшие сферы, гармония, звёзды – это его, но что толку! Получить бы доступ к будущим знаниям прямо сейчас, иначе о карьере придется забыть – ему уже сороковник стукнул.

Так рассуждал Геннадий Петрович, ведущий специалист отдела хранения документации сорока трёх лет, бредущий вверх по Лубянскому проезду от нижнего выхода станции метро Китай-город к Лубянской площади. По пути он намеревался заглянуть в Георгиевскую церковь и поставить свечку адмиралу Ушакову, не потерпевшему ни одного поражения.

Геннадий Петрович знал о существовании кротовых нор, соединяющих разные точки пространства-времени, прошлое и будущее, но он также знал, что через эти норы и триллионная часть электрона не пролезет настолько они узкие. Но надежда есть надежда, может, что и пролезет полезное, если сильно захотеть.

Слева за Ильинским сквером над крышами Администра-

ции Президента висела радуга. Все им, все им, даже радуга, – думал Геннадий Петрович. Помог бы кто, прогрызть эту нору...

Рядом медленно катил мотоцикл с коробками пиццы на багажнике. Харлей Дэвидсон, – прочитал Геннадий. Каков мотоцикл, такова и куртка на байкере. Шикарно! А он даже пообедать не успевает. Отвлекаясь на секунду, он уткнулся в коробки с пиццей, внезапно оказавшиеся перед ним. Спешившийся мотоциклист сделал жест, как будто пытался защитить пиццу от Геннадия Петровича, и это задело его.

– И кому это возят пиццу на харлеях? – съязвил он.

– Завидуете? – осведомился мотоциклист.

– Зато взятки не беру!

– Но не отказались бы при случае?

Мотоциклист впился в него глазами. Взгляд был холодный, пронзительный. Следовательно! – пронеслось в голове у Геннадия Петровича, и он вдруг вспомнил, что не вытащил флешку с электронной подписью из компьютера.

Продолжать разговор не имело смысла, на том они расстались, но когда Геннадий Петрович ставил свечку Ушакову и просил его о помощи в продвижении по службе, он вдруг ясно увидел, как шикарный развозчик пиццы смотрит ему в спину, и в голове у него складывается какая-то схема с участием неудовлетворенного жизнью мелкого служащего.

На следующий день, Геннадий Петрович, преисполненный смутным предчувствиями, решил скорректировать маршрут и идти Ильинским сквером. Если таким маневром он намеревался избежать встреч с мотоциклистами-следователями, то расчёт его не оправдался. На скамейке в центре сквера виднелась знакомая черно-красная куртка.

– Эй! – махнул рукой «следователь» и поднял вверх указательный палец. – Одна просьба!

Геннадий Петрович на всякий случай подошёл. Вчерашний мотоциклист держался рукой за голову и явно был с похмелья.

– Не в службу, а в дружбу, подай пакетик. С мамашкой скамейку не поделили, боюсь побьет.

На другой стороне дорожки рядом со скамейкой стояла початая бутылка вина и пакет из Макдональдса. Грузная дама качала коляску и неодобрительно косилась на них.

– Вино тоже?

– Не, не мое, мамашки наверное, – осклабился мотоциклист.

Геннадий Петрович презрительно скривился, но в глубине души ему было приятно видеть страдания «короля жизни». Не все коту Масленица! Есть бог на небе! Он взял пакет, но когда вернулся, «чёрной куртке» стало совсем плохо, казалось, мотоциклиста вот-вот стошнит.

Мимо проходила стайка молодняка. Геннадий Петрович

засмотрелся на зелёные наушники на одной из девиц, как вдруг почувствовал, что его крепко взяли под руки и потащили вслед за молодняком. Тащил Геннадия Петровича не кто-нибудь, а вконец обессилевший мотоциклист.

– Валить надо, – цедил он сквозь зубы. – И не вздумай скинуть пакет, на нем твои потожировые.

– А? Что? – Геннадий попытался вырваться.

– Не крути головой! До метро дойдём и разбежимся.

Они спустились к Кириллу и Мефодию, перешли улицу, но вместо метро мотоциклист затащил его в маленький ресторанчик. Усевшись за столик, он протянул руку:

– Паша. Ты меня так выручил!

Рука у Паши была крепкая и теплая, это располагало, но ситуация выглядела странной.

– Я пойду, – Геннадий Петрович привстал.

– Стоять! Ты обронил... только осторожно.

Паша передал под столом свёрток. Развернув обертку, Геннадий Петрович обомлел. Доллары! Пол пачки сотнями, тысяч пять, не меньше! Он попытался сунуть доллары обратно, но Паша его остановил:

– Глянь, как ты нас выручил, все записано.

На экране телефона была видна скамейка, приличного вида мужчина, оставивший пакет из Макдональдса, мамашка, защитившая пакет от бомжа и Геннадий Петрович, беспрепятственно забравший вещдок. Съёмка велась со стороны Пашиной скамейки.

Специалист по документации покрылся испариной. Документы с грифом «Для служебного пользования» он терял, правда, потом они нашлись. На этом его прегрешения перед законом заканчивались, а тут явное соучастие, формально, конечно, но кто разбираться станет? В животе засосало, струйка пота сбежала по спине в брюки, под ремень.

– Да, не дрейфь, мы не шпионы, не террористы! – хохотнул Паша. – Чистая коммерция. Твоя доля. Баксы здесь не скидывай. Поедешь в Грецию, купишь жене шубу.

– Там евро, – проблеял Геннадий Петрович.

– Тогда в Турцию. Засиделся я с тобой. Короче, мы не знакомы, не виделись, ничего друг другу не передавали.

*

Два дня Геннадий Петрович пребывал между небом и землей. То в жутком страхе, то в эйфории. В пачке оказалось сорок семь бумажек по сто долларов, всего четыре семьсот. По курсу порядка трехсот пятидесяти тысяч рублей, фантастическая сумма для Геннадия Петровича. Два дня он обедал в шикарном ресторане, купил новый костюм на свои старые сбережения, но потом спохватился, и как сглазил. Премию срезали, на работе начались разборки. Все писали доносы друг на друга, но Геннадий Петрович сидел тихо и занимался подсчетами.

Сколько всего было в пакете из Макдональдса? Пачек

пять, судя по объему и весу. Значит, всего тысяч пятьдесят долларов. Ему дали чуть меньше десяти процентов. Паша, скорее всего, стянул три его бумажки, но... за что дали то? Просто подфартило. Его удача. Может, Ушаков помог? Это вряд ли. Тот честный был, а это похоже на коррупцию.

Через неделю денежные запасы кончились, хорошее настроение улетучилось. Все вокруг было мрачным и дождливым. Кротовая нора, которая так хорошо начала прогрызаться втянула в себя все лучшее, что было в жизни у Геннадия Петровича и закрылась. Боясь признаться себе самому, он начал подумывать о новой встрече с Пашей. Может им опять понадобится такой удачливый парень, как он?

В своей удаче Геннадий Петрович больше не сомневался, но удача в его сознании почему-то перестала ассоциироваться с общим количеством получаемых благ и целиком сосредоточилась в зоне особо рискованных операций, из которых тишайший и скромнейший специалист по хранению бумаг намеревался выходить без потерь. Риск-аппетит, согретый сорока семью зелеными бумажками, резко вырос и жаждал новых побед. И когда ровно через неделю Геннадию Петровичу вновь повстречался Паша в порванной куртке с фингалом под глазом, тот только обрадовался и сразу согласился передать посылочку нужному человеку.

От такой прыти Паша даже опешил. Он начал было объяснять, что в посылке ничего противозаконного нет, и все дело лишь в его неприглядном виде, но Геннадию Петровичу

объяснения не требовались. Он гордо прошагал к центральному входу нужной конторы, набрал внутренний номер и даже не обиделся на охранника, который выставил его на улицу. Когда дело было сделано, везунчик-Геннадий вернулся к Паше и небрежно осведомился:

– Где деньги, Зин?

Паша нахмурился.

– Какие деньги? Это подарок ко дню рождения! Тебе спасибо, выручил.

– Подарок? Ко дню рождения? Так я и поверил! А на хрена этот маскарад?

Паша помялся и достал из кармана мятую бумажку.

– Ладно, вот тебе моя штука и катись. Себе ничего не оставляю

– Рубли?!

– Да, ты совсем охренел! Я ж тебе русским языком сказал: лаки, кисточки и прочая фигня. Ты чего о себе возомнил? Типа, Джеймс Бонд?

Геннадий поник. Похоже, судьба окончательно от него отвернулась. Хрустальная мечта о поездке в Австралию рассыпалась в прах. От кротовой норы не осталось и следа. А, если ещё и баксы дома у него найдут.... совсем худо будет, – тоскливо думал он.

Паша докурил, бросил окурочок и хотел попрощаться, но вид у Геннадия Петровича был такой растерянный, что оставлять его одного в таком состоянии он не решился.

– Ладно, есть одна работенка, я примелькался, но ты стодишься. Потянешь?

Геннадий Петрович сглотнул, боясь спугнуть удачу.

– А сколько заплатят?

– Достаточно. Передашь посылочку с книжками, на этот раз официально, от курьерской службы. Если рожу начистят, не обижайся. Ревнивые мужья – они такие.

– Компромат?

– Типа того, но это не наше дело. Место специфическое – Китай-город, правительственный квартал. Подойдёшь к лестнице, выйдет человек, ты ему посылку и свободен. Завтра здесь же. Ок?

Геннадий Петрович кивнул. Ему было страшно, но очень хотелось в Австралию. И в Японию тоже.

*

Ночью ему снился адмирал Ушаков в золотом мундире, он неодобрительно качал головой и уплывал на ботике Петра в открытое море.

Утром Геннадий Петрович долго брился, три раза прочитал Отче наш и пару молитв с плакатика под репродукцией картины «Девятый вал», истово перекрестился и отправился на работу. В метро он долго ждал поезда, стоя у края платформы и напряжённо вглядываясь в черноту тоннеля, и, когда вылетевший из тоннеля поезд приблизился к месту, где

стоял Геннадий Петрович, он попытался отступить на шаг назад, но вместо этого полетел вперёд. Его толкнул в спину рюкзаком парень, спешащий к выходу.

Геннадий Петрович видел удивленное лицо машиниста и медленно приближающуюся штангу с зеркалом обратного вида. Когда до зеркала оставались считанные сантиметры, падение прекратилось, и он завис над краем платформы, как будто его кто-то держал сзади за шиворот.

Геннадий Петрович был уверен, что его действительно держали за шиворот, но он очень удивился, когда обернувшись, никого за собой не увидел, только деревенского вида бабу, лузгающую семечки в трёх метрах от себя.

– Чего вылупился? – крикнула ему баба. – Сам виноват! Зачем к краю подошёл?

И правда, зачем он к краю подошёл? Зачем подошел? Геннадий Петрович пропустил два поезда и осторожно вошёл в вагон. Ему было не по себе. Дождавшись обеда, он словно в забытии, без единой мысли в голове пришел в условленное место, принял коробку от незнакомого парня в зелёной кепке и направился к лестнице, по которой должен был спуститься мужчина в темно синем костюме и лакированных чёрных туфлях.

Геннадий Петрович шёл медленно, очень медленно, и все внутри у него кричало: Подстава! Это подстава! Тебя поймают и посадят! Вернись! Откажись! До лестницы оставалось метров десять. Странного вида мужчина два раза про-

шёл навстречу, глядя в сторону. Боковая дверь темного фургона, стоявшего у лестницы, отъехала в сторону, лишь только Геннадий к ней приблизился. Пара озеленителей, красивших бордюрный камень, словно очнулись и усилено замахали кисточками. Приближался решающий момент, но какой?

Он подошёл к нижней ступеньке лестницы. Дверь проходной открылась, из нее вышел мужчина в темно синем костюме и черных лакированных туфлях и направился напрямиком к нему. В сознании Геннадия Петровича идущий мужчина слился с ним самим, стоящим у края платформы в метро, а сам Геннадий Петрович – с подходящим поездом, который его чуть не задавил.

Отойди от края! – мысленно крикнул Геннадий, но мужчина его не услышал, и лишь когда между ними оставалось не более пары метров, что-то в мужчине изменилось. Он резко остановился, отшатнулся назад, как будто его схватили сзади за шиворот, секунду стоял неподвижно, потом подошел, заглянул в накладную и недоуменно пожал плечами. Эти книги он не заказывал, произошла ошибка. Геннадий Петрович попытался указать на приписку, мол, это подарок от друзей. Мужчина усмехнулся:

– Пусть эти друзья сами читают свои книжки. Скоро у них будет масса времени для этого.

Он развернулся и пошёл вверх по лестнице. Дверца фургона захлопнулась. Озеленители собрали кисти и удалились. Геннадий Петрович облегченно вздохнул и понёс посылку

обратно. По пути посылка и накладная куда-то исчезли, но его это нисколько не расстроило. Он шёл, улыбался и строил планы на поездку в Австралию.

Хорошо, что хорошо кончается! Свою кротовую нору он прогрыз, но через неё вместе с долларами пролилось столько грязи, своей и чужой, что теперь ни о каких норах и дырах думать не было ни малейшего желания. Вся эта история с пакетом из Макдональдса была инсценировкой. С лаками и кисточками – разогревом. Его готовили к главному – к подставе с важным чиновником, но свет, который через него пробился, спас их обоих. Не зря он ставил свечи Ушакову!

Вернувшись на работу, Геннадий Петрович с удивлением узнал, что его повысили до зама и перевели в отдел, занимающийся налаживанием связей с дружественными ведомствами – приемами, подарками, награждениями и прочими щекотливыми вопросами, требующими, взвешенного подхода, интуиции и точного знания, к кому следует подойти, что сказать, кому улыбнуться. После всей кутерьмы с проверками и доносами он оказался единственным кандидатом, пользующимся доверием начальства.

Да, – думал Геннадий Петрович, ставя подпись на приказе о своём назначении, – если судьба решит затащить тебя в кротовую нору, в которую даже триллионная доля электрона не пролезет, она обязательно это сделает!